

В деревне Коноха человек считается взрослым, как только становится генином. Теоретически генином можно стать в любом возрасте. Были ниндзя, ставшие джоунинами еще до того, как им исполнилось два года.

Учиха считается взрослым, когда он может успешно сформировать дзюцу огненного шара.

Саске стал взрослым в семь лет. Не потому, что он мог создать впечатляющий огненный шар. И не потому, что стал генином. А потому, что нельзя оставаться ребенком, видя, как все вокруг умирают. Его забрали из района Учиха и поселили в квартире в центре города. Он пинался и кричал, пока Сандайме не пришел поговорить с ним, чтобы объяснить, почему его переселили. Этот район был запятнан кровью его семьи. Жить там больше было небезопасно. В знак неповиновения Саске побежал к воротам, чтобы доказать старейшинам, что он может сам о себе позаботиться, может жить в доме своей семьи самостоятельно. Он прорвался сквозь желтую предупреждающую ленту. Его маленькие ножки не останавливались, пока он не оказался у дверей своего дома.

Входная дверь была забрызгана кровью. В дерево заборов и стен были вбиты кунаи и сюрикены. Толкнув дверь, Саске столкнулся лицом к лицу с родительским мелом. Кровь все еще впитывалась в пол. Он все еще мог видеть это. Его родители лежали на полу, отец прикрывал мать. Итачи стоял над ними, глаза его светились красным в лунном свете, а в темноте сверкал меч.

Сандайме нашел его через час, он лежал на полу рядом с кровью родителей и рыдал так сильно, что едва мог дышать. Он поднял Саске и отнес его в квартиру, успокаивая, как мог. Саске так и не вернулся в район. Он пытался, но не смог удержать содержимое своего желудка, когда дошел до ворот. Вместо этого он стоял на крыше арены и смотрел вниз на разрушающиеся здания и заросшие сады, жалея, что у него не хватило духу войти туда и все исправить. В итоге Саске всегда возвращался в свою квартиру. Это был не дом. Ничто и никогда не станет домом.

Сегодня Саске сидел на краю кровати, вцепившись пальцами в мягкий ковер. Он не мог уснуть, всю ночь ворочался и ворочался. На его кровати был беспорядок, простыня сбилась в угол. Какаши намекнул, что знаком с Итачи или что-то знает о нем. Саске мало что знал об Итачи, хотя они были братьями и жили в одном доме. Казалось, его брат всегда был бесплотным,

неприкосновенным, больше, чем сама жизнь. Может, все дети так относятся к старшим братьям и сестрам, но в Итачи что-то было.

Рядом с ним раздался сигнал тревоги. Саске едва услышал его и лишь нажал на кнопку, чтобы выключить. Конечно, он проснулся бы раньше будильника. Вздохнув, Саске поднялся с кровати и направился в ванную. Все, чего он хотел, - это продемонстрировать свое мастерство, закрепить свое положение генина и выяснить, что Какаши знает о его брате. Вот и все. Пора начинать этот день.

-

Какаши пришел подготовленным. Четыре коробочки для бенто, два колокольчика, потрепанная копия «Рая Ича Ича» и голова, полная идей. В ушах звенели слова оставленных им детей, звенели всю ночь. Значит, настало время действовать. Он не подведет их. Он не допустит, чтобы их жертвы оказались напрасными. Ни в коем случае. Пока же он посеял в них семена своих идей, того, чего, как он знал, они могли бы достичь. Он уже начал с Сакуры, посеяв в ее голове идею о медике.

Он знал, что Наруто нужна помощь в управлении чакрой. У него такой огромный запас чакры, и эта чакра такая сильная и дикая, что Наруто нужно научиться управлять ею. Контроль никогда не сравнится с контролем Сакуры. Не без многолетних упорных тренировок. Всё, чего хотел добиться Какаши, - это чтобы Наруто перестал тратить столько чакры, выполняя простое дзютсу. Это было побочным эффектом того, что он не только Узумаки с их большими запасами чакры, но и джинчуурики. Какаши знал, что Наруто может учиться. Парень был умнее, чем все считали. Просто он учился по-другому. На этот раз Какаши направит его на верный путь. У Наруто был потенциал для использования любого дзюцу, с которым он сталкивался. Какаши позаботится о том, чтобы парень научился этому.

Саске всегда был одарен в тайдзюцу. Он прекрасно владел своими тонкими мышцами и длинными конечностями. Логично, что и в кендзюцу он будет не менее одарён. Если дать парню меч и дать ему возможность освоить его до того, как он достигнет половой зрелости, это даст ему преимущество. Саске также нуждался в отработке контроля чакры. Какаши мог бы помочь, если бы заново обучил его Чидори. Он видел, каким Саске стал на почве ненависти и гнева. Теперь он хотел увидеть Саске, который учился с любовью и уважением. И Саске,

который работал с командой, а не пытался управлять ею. Может быть, Какаши сможет вдолбить ему в голову, что нужно работать в команде. Не говоря уже о том, что он дал Саске последнее обещание - держать его в деревне, подальше от мыслей, которые могли бы привести его к убийству брата. Он знал, что Саске будет ждать этого разговора. Какаши провел всю ночь, пытаясь сформулировать его в голове. Но так и не придумал ничего путного.

Удержать Сакуру от того, чтобы она не стала заискивать перед Саске, будет непростой задачей. Эта девушка цеплялась за свою «первую любовь», как собака за кость. Какаши не был уверен, насколько это была настоящая влюбленность, а насколько - соперничество с Ино, но у Сакуры не было на это времени. Она не была слабой девочкой, которой нужен крепкий Учиха, чтобы спасти ее. Сакура, которую он знал, могла пробивать валуны, как рисовую бумагу. Прежде чем Цунаде доберется до этой деревни, Какаши поставит Сакуру на путь становления следующей женщины-саннина. Ее нужно было подтолкнуть. Ей нужно было дать повод встать на их сторону. Он не ждал, что Забуза и Хаку станут тем толчком, который ей нужен. Пусть мальчики сами подтолкнут ее к этому, так будет лучше.

Он занял место на вершине тренировочного бревна и стал ждать. Поглядывая на мемориал позади себя, он испытывал желание поговорить с Обито. Но Обито еще жив. Какаши доберется до него, как только сможет. Он вернет своего лучшего друга. Вместо этого Какаши задрал голову к небу, позволяя солнечному свету согреть его лицо сквозь маску. Он представил, как Рин смотрит на него сверху вниз и улыбается ему. Это было лучше, чем терзаться горем, глядя на холодный камень. Рин была не просто памятником. Рин была солнцем. И сегодня Какаши позволил солнцу омыть его.